

Все посмотрели в сторону, откуда донесся звук взрыва. Водитель автобуса и Гуа Первый, прекрасно понимавшие, что эпицентр находится именно там, куда они направлялись, мгновенно подошли к Лянь Цзюню.

— Цзюнь-шао, это предназначалось нам, — доложил Гуа Первый, едва приблизившись.

Водитель за его спиной кивнул:

— Судя по расстоянию и времени взрыва, если бы мы не задержались в пути, то гарантированно попали бы в самый эпицентр.

Прежде чем они успели договорить, Гуа Третий попытался дозвониться заместителю Старого Призрака, но тот не брал трубку. Чувствуя нарастающую тревогу, он опустил телефон и повернулся к Лянь Цзюню:

— Цзюнь-шао.

Лянь Цзюнь отвел взгляд от столба дыма и отдал череду четких приказов:

— Позвоните Старому Призраку и сообщите о взрыве; проинформируйте официальных представителей, пусть свяжутся с правительством страны L и договорятся о нашем допуске к месту происшествия; выведите всех из автобуса и рассадите по джипам с отдельной охраной; перестройте колонну так, чтобы автобус находился в центре. Через пять минут мы выдвигаемся к месту взрыва.

Услышав его распоряжения, все мгновенно успокоились. Подтвердив получение приказов, люди немедленно приступили к делу.

Ши Цзин хранил молчание, пока они не остались одни, а затем спросил:

— Почему мы ждем пять минут?

— Пять минут — это время, необходимое для прибытия официальных спасательных служб. Нам нужно, чтобы они послужили для нас прикрытием, — объяснил Лянь Цзюнь. — Как правило, если первая атака не увенчалась успехом, за ней следует вторая. Если мы бросимся туда прямо сейчас, то рискуем угодить в ловушку врага и попасть под вторую волну засады. Но если мы подождем, пока не придут официальные силы, нападающие вряд ли решатся на безрассудную атаку. Те, кто поосторожнее, трубят отступление в ту же секунду, как только видят правительственные спасательные отряды.

На Ши Цина снизошло озарение. Удивительно, но даже в такой критической ситуации он узнал для себя что-то новое.

Внезапно Лянь Цзюнь добавил:

— Выходит, старая поговорка права: везение — это тоже своего рода талант.

Сердце Ши Цина екнуло, и он тут же подхватил:

— Верно? Нам, кажется, всегда очень везет... Эм, ты не голоден? Ты ничего не ел с тех пор, как мы сошли с самолета. Я помню, в автобусе был маленький холодильник с едой — хочешь чего-нибудь?

Это была настолько вопиющая и топорная попытка сменить тему, что ее заметил бы даже

самый непроходимый глупец, но IQ Лянь Цзюня, похоже, стремительно падал на фоне влюбленности. Понаблюдав за Ши Цзином несколько секунд, он подыграл ему и позволил себя отвлечь.

Через пять минут колонна, в центре которой двигался автобус, направилась к месту взрыва.

Грохот был настолько оглушительным, что многие жители по пути высыпали из своих домов, в недоумении глядя в сторону все еще дымящегося места происшествия. Вой сирен стремительно приближался — все спасательные службы в округе спешили на вызов.

Ши Цзин смотрел в окно, делая вид, что оценивает обстановку, но на самом деле он проверял шкалы прогресса в своем сознании. Убедившись, что они не растут, он беззвучно выдохнул с облегчением.

Раз шкалы не сдвинулись с места, значит, засадный отряд действительно отступил, заведя официальные спасательные силы. Опасности впереди не было.

Спустя десять минут они прибыли на место взрыва.

Это была просторная частная вилла с большим двором. Сейчас здание лежало в руинах. Обезображенный огнем палисадник превратился в месиво, кирпичная ограда была разрушена взрывной волной и разлетевшимися обломками, кованые железные ворота покосились, а часть мусора вывалилась на улицу. Вокруг стояла тишина — не было слышно ничего, кроме треска пламени. Никаких признаков людей внутри не наблюдалось.

Вокруг виллы толпились полицейские машины, кареты скорой помощи и пожарные расчеты; местные жители вышли на улицу, желая поглазеть на происходящее. Обстановка выглядела довольно хаотичной.

Гуа Первый остановил колонну на тихой улочке неподалеку, затем позвал Гуа Третьего. Вместе они сопровождали официальных представителей к вилле и направились к местным спасателям.

Гуа Пятый тоже вышел и вместе с несколькими подчиненными осмотрел территорию. Убедившись, что вокруг безопасно, он вернулся охранять машину Лянь Цзюня.

Ши Цзин, чувствуя неясную тревогу, попросил у системы бафф на улучшение зрения. Заметив спасателя с мрачным лицом, который выносил из виллы нечто, очень похожее на мешок для трупов, он не удержался от вопроса:

— Цзюнь-шао, как думаешь, внутри кто-то был, когда произошел взрыв?

Лянь Цзюнь тоже наблюдал за суетой спасателей. Он посмотрел на бессознательно потяжелевшее лицо Ши Цзина, помолчал секунду, а затем взял его за руку и успокаивающе сжал:

— Ши Цзин, я не хочу тебе лгать... Если ты останешься со мной, тебе, возможно, придется увидеть много уродливых вещей. Люди, чья жизнь проходит во тьме, могут лишиться её в любой момент.

Это было завуалированное «да».

Пальцы Ши Цзина сжались, а на лбу залегла складка. Больше он ничего не сказал.

Представители и спасатели, казалось, никак не могли прийти к согласию. Лишь спустя добрых десять минут, после того как неприметный автомобиль успешно миновал всех репортеров и тихо припарковался возле виллы, им наконец-то разрешили пройти на территорию и осмотреть место происшествия изнутри.

Получив разрешение, Гуа Первый и Гуа Третий тут же развернулись и пошли за Лянь Цзюнем, в то время как трое чиновников направились к той самой неприметной машине, где им предстояло вести свою истинную битву.

Отбирая людей, которые войдут на виллу, Лянь Цзюнь поинтересовался мнением Ши Цзина, добавив, что если тот хочет, то может остаться в машине и дожидаться новостей.

Ши Цзин без колебаний решил идти, его настрой был непоколебим.

Он понимал, что Лянь Цзюнь боится, как бы он не сломался при виде того кошмара, что творился внутри, но в конце концов, он не был настоящим подростком. К тому же, раз уж он решил быть с Лянь Цзюнем, как он мог позволить себе стать бесполезным балластом, о котором его возлюбленному придется постоянно заботиться?

Видя его решимость, Лянь Цзюнь лишь молча сжал его руку.

В итоге для входа на виллу отобрали пятерых: Лянь Цзюня, Гуа Первого, Гуа Третьего, Ши Цзина и Фэй Юйцзина. Последний напросился сам. В данный момент он был нанят в качестве адвоката «Фантома»; поскольку с жильем, предоставленным организацией, явно возникли проблемы, а судьба заместителя Старого Призрака была неизвестна, он чувствовал себя обязанным войти туда от лица своего нанимателя.

Ши Цзин смерил взглядом Фэй Юйцзина, на лице которого не дрогнул ни один мускул, и молча приготовил несколько полиэтиленовых пакетов и пару бутылок воды.

Пока местные спасатели сдерживали натиск прессы, группа воспользовалась моментом и проскользнула на территорию виллы. Внутри они первым делом окинули взглядом развороченный двор, а затем направились напрямик к дому.

На ходу Гуа Первый сделал вывод:

— Эпицентр взрыва находился в центре здания — обломки во дворе распределены слишком равномерно, чтобы удар был нанесен снаружи.

— Значит, вилла находилась под контролем врага, — отозвался Гуа Третий.

Пожар, вызванный взрывом, уже был потушен. Полиция и спасатели суетились на руинах, то и дело вынося черные мешки с чем-то внутри; лица их при этом были неизменно мрачными.

Гадать о содержимом мешков не приходилось — это были тела. Или их фрагменты.

Ши Цзин молчал, на сердце у него было тяжело.

Когда они подошли к главному входу, в углу двора внезапно возникла суматоха. Повернувшись туда, они увидели группу спасателей, которые на что-то указывали и переговаривались. Ши Цзин проследил за направлением их рук и увидел сильно поврежденное взрывом дерево, на ветвях которого висело нечто, подозрительно напоминающее фрагмент человеческого тела, с которого капала кровь.

Он тут же отвел взгляд, молча приводя в порядок эмоции.

В прошлой жизни, будучи полицейским, он видел сцены и похуже, и покровавее, но, как оказалось, этого опыта было недостаточно, чтобы сохранить полное хладнокровие, внезапно столкнувшись с подобным здесь.

Разумеется, дерево и то, что на нем висело, заметили все. Гуа Первый и Гуа Третий остались абсолютно невозмутимы: для них такая картина не стоила даже поднятой брови. Как и для Лянь Цзюня — в конце концов, он был боссом криминальной структуры. Самой бурной оказалась реакция Фэй Юйцзина: хотя выражение его лица не изменилось, то, как он поспешно снял очки, с головой выдавало его дискомфорт.

Посмотрев на Ши Цзина, толкавшего инвалидную коляску, Лянь Цзюнь сказал:

— Я могу попросить Гуа Первого проводить тебя наружу и позвать вместо тебя Гуа Пятого.

— Я в порядке, — покачал головой Ши Цзин. — Идемте внутрь — не стоит терять время, иначе спасатели случайно уничтожат улики.

Лянь Цзюнь больше ничего не сказал и подал знак продолжать путь на виллу.

Фэй Юйцзин хмуро покосился на Ши Цзина, словно удивленный его спокойствием.

Внутри дома ситуация оказалась еще хуже, чем они предполагали. Почти вся мебель была превращена в труху. В комнате, которая, скорее всего, служила гостиной, отсутствовала одна стена, а те, что устояли, были покрыты копотью и залиты пеной после тушения.

Всё, на что падал взгляд, носило следы ожогов, было залито кровью или и то, и другое сразу. В воздухе плавал густой черно-серый пепел. По всей комнате были разбросаны черно-багровые куски плоти, некогда бывшие частями человеческих тел; спасатели аккуратно собирали их в специальные мешки. Запах крови, гари, обугленного мяса и взрывчатки смешался в единое, мощное, тошнотворное зловоние.

Ши Цзин затаил дыхание, подавляя подступающую тошноту. Он позаимствовал у спасателей несколько респираторов и раздал их своим спутникам.

Гуа Первый и Гуа Третий приняли маски, немного удивленные самообладанием Ши Цзина. По идее, юноша видел подобный ад впервые в жизни. Они думали, что даже если он не сбежит с криками при первом же взгляде, то как минимум будет потрясен или напуган. Они никак не ожидали, что он первым сбросит с себя оцепенение и даже заботливо позаботится о респираторах.

Что ж, возможно, такова сила любви.

С этой мыслью они перевели взгляды на Лянь Цзюня, который получил маску первым. Иногда любовь действительно делает людей сильнее.

И если быстрое восстановление Ши Цзина поражало, то реакция Фэй Юйцзина была куда более естественной. С мертвенно-бледным лицом он нацепил маску в ту же секунду, как получил её, и старался не смотреть на окровавленные куски мяса вокруг. Его брови сошлись на переносице так сильно, что почти срослись.

Раздав респираторы, Ши Цзин молча достал пластиковый пакет и бутылку воды, протянул их

ему и сказал:

— Возьми, выйди на улицу и проблеvisь. Если тебя вырвет здесь, ты испортишь место преступления. Не можешь терпеть — возвращайся в автобус.

Почувствовав, что на него смотрят свысока, Фэй Юйцзин отказался брать предложенное.

— Кто сказал, что меня сейчас вырвет? Убери это, мне не нужно.

В любое другое время, после того как Фэй Юйцзин отверг бы его благие намерения, Ши Цзин определенно больше не стал бы о нем беспокоиться. Однако место, в котором они сейчас находились, слишком напоминало филиал преисподней, а его брат был единственным «обычным человеком» здесь, который никогда в жизни не видел подобных сцен. Поскольку Ши Цзин не был полностью лишен совести, он решил сжалиться над упрямым адвокатом и сказал прямо:

— Не притворяйся. Я же вижу, как ходит твой кадык — тебе самому не тошно раз за разом сглатывать собственную блевотину?

Слова были сказаны чересчур красочно и настигли Фэй Юйцзина как раз в тот момент, когда рвота вновь подступила к горлу. Его кадык снова дернулся, он смерил Ши Цзина убийственным взглядом, выхватил из его рук пакет с водой и зашагал к выходу.

Вдогонку Ши Цзин не забыл любезно напутствовать:

— Отойди подальше от виллы и не забудь выкинуть мусор в бак, не добавляй спасателям работы!

Шаги Фэй Юйцзина на секунду замерли, а затем ускорились, сопровождаясь тяжелой поступью и, предположительно, скрежетом зубов.

После некоторых приготовлений они официально приступили к осмотру.

Гуа Первый должен был выяснить причину взрыва и поискать остатки взрывчатки, Гуа Третий отвечал за опознание тел на вилле и поиск выживших, а Лянь Цзюнь — за связь со Старым Призраком, который временно не мог приехать, чтобы держать его в курсе дела. А Ши Цзин, которому не досталось никаких заданий, огляделся и молча присоединился к команде спасателей.

Натянув защитный комбинезон и перчатки, он следовал за спасателями, снующими по вилле, и учился у них тому, что они делали. Вскоре его комбинезон пропитался кровью, но движения становились всё более четкими и уверенными.

Гуа Первый завершил свою часть работы и вернулся к Лянь Цзюню. Глядя на Ши Цзина, он не удержался от комментария:

— Цзюнь-шао, Ши Цзин словно рожден для нашей работы — его выдержка просто поражает.

— Да, — ответил Лянь Цзюнь, не сводя глаз с юноши. Однако вместо того, чтобы радоваться признанию и похвале в адрес любимого человека, он хмурился, а выражение его лица оставалось мрачным.

Фэй Юйцзин, который, несмотря на дискомфорт, стоял в стороне и записывал описание места

происшествия, услышал их разговор. Он взглянул на Ши Цзина и как раз успел заметить, как тот бережно и торжественно застегивает молнию на мешке для трупов. Нахмурившись, адвокат поднял руку, плотнее прижал маску к лицу и отвернулся.

Спустя полчаса работа спасателей внутри виллы была в основном завершена, и Ши Цзин снял перчатки и защитный костюм. Он как раз собирался вернуться к Лянь Цзюню и расспросить об общих результатах, когда увидел Гуа Третьего, поспешно вошедшего с улицы.

— Заместитель Старого Призрака найден, он еще жив. Он в собачьей будке на заднем дворе.

Собачья будка?

Ши Цзин нахмурился, охваченный дурным предчувствием. Он подбежал к Лянь Цзюню, взялся за ручки коляски и последовал за Гуа Первым и остальными наружу.

Вилла, которую Старый Призрак выбрал для Лянь Цзюня, изначально была весьма недурна собой. На заднем дворе располагался бассейн с небольшим садом. В углу сада стояла игрушечного вида деревянная собачья будка, выглядевшая совсем новой и чересчур вычурной. Скорее всего, она служила лишь элементом декора, а не настоящим жилищем для питомца.

Когда они подошли ближе, медики и спасатели аккуратно разбирали крышу и стены будки. Люди, стоявшие в отдалении, могли разглядеть часть того, что находилось внутри, лишь через пролом в крыше, оставленный взрывом. Однако даже этого было достаточно, чтобы кровь застыла в жилах.

В правом верхнем углу будки на земле лежала окровавленная рука. Без пальцев — лишь голая ладонь.

Потрясенный, Ши Цзин инстинктивно наклонился, чтобы закрыть Лянь Цзюню глаза.

Поскольку Лянь Цзюнь сидел в коляске слишком низко, чтобы что-то рассмотреть, он вздрогнул от неожиданного движения, но быстро сообразил, в чем дело. Он мягко отвел руку юноши и крепко сжал её в своей.

— Иди наружу и жди в машине, пусть сюда придет Гуа Пятый, — не удержавшись, вновь попросил он.

Ши Цзин совладал с эмоциями. Сжав руку Лянь Цзюня в ответ, он покачал головой, всё так же отказываясь:

— Я в порядке. Давай посмотрим.

Пока они говорили, Гуа Первый и Гуа Третий подошли к будке, которую медики и спасатели уже успели разобрать, открыв взглядам человека внутри. Все замолчали, и атмосфера стала давящей.

— Я не смогу его спасти, — покачал головой врач, и в его глазах читались бессилие и скорбь.
— Я вколю ему обезболивающее, чтобы хоть немного облегчить его участь.

Врач был местным и говорил на языке страны L, которого Ши Цзин не понимал. Однако, когда он подкатил коляску ближе и увидел заместителя Старого Призрака, он легко догадался о смысле сказанного.

Человек, лежавший в будке, уже мало напоминал человека. Вероятно, чтобы затолкать его внутрь, мучители жестоко переломали и вывернули ему конечности. У него остался всего один глаз.

Судя по многочисленным ранам на теле, перед тем как его запихали в эту будку, он подвергся зверским пыткам. Его лицо посинело, а изо рта шла пена — было очевидно, что вдобавок к чудовищным увечьям его еще и отравили.

Едва Фэй Юйцзин увидел, во что превратили заместителя, он отвернулся и прижал руку ко рту; его лицо стало еще страшнее прежнего.

Пальцы Ши Цзина побелели на ручках коляски. Он не мог вымолвить ни слова. На сердце лежала тяжелая плита, а душу захлестнула внезапная волна бессильной ненависти — ненависти от осознания того, что люди способны на такую нечеловеческую жестокость по отношению к себе подобным.

Среди гнетущей тишины заместитель, возможно, приведенный в чувство стараниями врача, обрабатывающего его раны и вводящего лекарства, внезапно повернул голову и открыл глаз. Заметив Лянь Цзюня в инвалидной коляске, его единственный глаз вдруг вспыхнул, и он с трудом попытался пошевелиться. Едва ворочая языком, он выдавил из себя:

— Я... я не предавал брата Призрака... Они... они угрожали мне жизнями моих братьев, хотели заставить меня заманить вас сюда... Я... я не стал... Цзюнь... Цзюнь-шао... Помогите мне... извиниться перед братом Призраком... Скажите... скажите, что мне жаль... Я не смог защитить наших братьев, они... Ог... «Огнестрел»...

Его язык, судя по всему, тоже был поврежден, и пока он говорил, изо рта струилась кровь. Ши Цзин больше не мог на это смотреть. Он отвел взгляд и глубоко вздохнул.

Лянь Цзюнь внезапно поднялся. Он подошел к заместителю, опустился на корточки и, не обращая внимания на кровь, положил руку ему на сердце. Глядя ему в глаза, он сказал:

— Я обещаю передать ему твои слова и помочь спасти остальных твоих братьев. Ты можешь уйти с миром.

Услышав это, лицо заместителя расслабилось, а свет в его зрачке начал меркнуть. Его глаз медленно закрылся, и он почти беззвучно прошептал:

— Я... верю вам... спа... сибо...

Слабое сердцебиение под ладонью Лянь Цзюня постепенно затихло. Он долго не убирал руку, глядя на тело заместителя, не шевелясь и не произнося ни слова.

— Призраков жизни нет, — с грустью констатировал врач, оставляя тщетные попытки перевязать раны убитого.

Челюсти Гуа Первого сжались, и он не сдержал тихого ругательства.

Гуа Третий отвернулся и вытер лицо; список погибших оказался безжалостно скомкан в его плотно сжатом кулаке.

Убирать трупы и смотреть, как живой человек умирает у тебя на глазах — это две совершенно разные вещи. Руки Ши Цзина соскользнули с ручек коляски, словно лишившись последних сил.

Он смотрел на тело заместителя пустым, потемневшим взглядом.

Медицинский персонал молча занялся останками, и все вернулись к своей работе. Хотя они продолжали делать то, что должны были, настроение было заметно подавленным.

Ши Цзин откатил коляску Лянь Цзюня вглубь сада, туда, где было больше зелени. Опустившись на корточки, он начал оттирать кровь с его руки — очень бережно, палец за пальцем.

— Ши Цзин. — Лянь Цзюнь перехватил его ладонь. — Тебе страшно?

Ши Цзин поднял на него глаза, сел прямо на землю и, помолчав несколько секунд, спросил:

— А тебе? Тебе страшно?

— Мне — да. — Лянь Цзюнь посмотрел на свою испачканную кровью руку, а затем резко подался вперед и обнял его, прошептал: — Ши Цзин, ты не можешь умереть раньше меня, ни в коем случае.

Ши Цзин поднял руки и тоже обнял его, нежно поглаживая по спине. Словно скрепляя клятву, он ответил:

— Хорошо, тогда я умру после тебя.

Лянь Цзюнь ничего не ответил, лишь уткнулся лицом в плечо Ши Цзина. Через мгновение он вдруг отстранился, и выражение его лица вновь стало обычным:

— Пойдем, пора возвращаться. Старый Призрак должен скоро приехать.

Ши Цзин взглянул на свои сжатые кулаки и тихо угукнул в ответ. Поднявшись, он взялся за ручки коляски и покатыл её к воротам.

К этому времени толпа зевак и журналисты уже разошлись, так что они без проблем вернулись к машине. Подведя итоги расследования, они с сожалением констатировали, что все шестнадцать подчиненных, которых Старый Призрак отправил встречать Лянь Цзюня, погибли при взрыве. Выживших не было.

— «Огнестрел», — прошептал Лянь Цзюнь, забирая список погибших у Гуа Третьего; его взгляд был ледяным и темным.

Шестнадцать жизней. Даже если на этот раз «Огнестрел» не убил никого из людей «Аннигиляции», подобное было достаточно серьезной провокацией.

<http://bllate.org/book/18125/1760926>